

Политологический анализ

Перспективы образования неоимперских центров в арабо-мусульманском мире: политологический анализ¹

В.В. Шишков

Шишков Василий Валерьевич – к.п.н., доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1; E-mail: fh55@mail.ru

В статье исследуется проблема перспектив неоимперской политики в XXI в. ведущих развивающихся государств, стремящихся определить собственную модель политического и социально-экономического развития с сочетанием традиционных (в том числе авторитарных) политических форм и элементов западной модернизации. Представлена и обоснована позиция, согласно которой политическое влияние в мире будет разделено между региональными союзами, объединяющими гетерогенные периферии вокруг господствующего центра, оправдывающее такое объединение идеологией, связанной с реализацией той или иной социально-политической модели развития, т.е. действующей в рамках имперской парадигмы. Одной из основных политических характеристик таких неоимперских центров выступает незавершенность процесса образования национального государства и, как следствие, отсутствие прочных институциональных оснований для развития демократической политической системы.

Проведен анализ неоимперской политики ведущих государств арабо-мусульманского мира (Турции, Саудовской Аравии и Ирана), которую можно представить в качестве различного сочетания цивилизационного универсализма и этнорелигиозной гетерогенности, а также элементов модернизации с расширением влияния в условиях политической нестабильности региона Ближнего Востока. Обосновано, что каждое из рассматриваемых в статье государств обладает собственными великодержавными амбициями и способно предложить свой опыт сочетания модернизационных изменений с мусульманским традиционализмом. Турция представляет пример наибольшей внедренности политических модернизационных практик и связанной с этим вестернизации, Саудовская Аравия предлагает авторитарную монархическую модель, основанную на ваххабизме, наиболее близкую к традициям имперской власти, Иранский неотеократический проект связан с господством шиитских богословов. При этом каждое из государств по-своему чуждо в этническом и (или) религиозном плане большинству арабо-мусульманского мира, приверженному суннизму. Сделан вывод о том, что в регионе, вероятно, будут нарастать политические противоречия между рассмотренными державами, так как каждая из них имеет собственные великодержавные амбиции и способна предложить другим государствам арабо-мусульманского мира свой опыт сочетания модернизационных изменений с мусульманским традиционализмом.

Ключевые слова: империя, неоимперские центры, Ближний Восток, Турция, Саудовская Аравия, Иран

¹ Материал поступил в редакцию в декабре 2013 г.

В современном мире, отличительными чертами которого выступают нарастающая нестабильность и неустойчивая бесполярность, возрастает значение ведущих развивающихся государств. Такие государства, преуспевшие в упрочении собственных политических режимов и стремящиеся стать передовыми в экономическом отношении, приобретают новые возможности в реализации собственных политических амбиций и геополитических устремлений.

Неустойчивость постбиполярной системы международных отношений проявляется в нарастании турбулентности политических процессов в мире и в отдельных государствах. Тем не менее по мере уменьшения политического, экономического и военного превосходства Америки относительно других государств² выкристаллизовывается модель политики, в которой политическое влияние в мире будет разделено между региональными союзами, объединяющими гетерогенные периферии вокруг господствующего центра, оправдывающее такое объединение идеологией, связанной с реализацией той или иной социально-политической модели развития, т.е. действующей в рамках имперской парадигмы.

Одной из основных политических характеристик таких неоимперских центров выступает незавершенность процесса образования национального государства, и, как следствие, отсутствие прочных институциональных оснований для развития демократической политической системы. Неоимперская политика ведущих развивающихся стран, подъем которых наблюдается во втором десятилетии XXI в., основывается на сочетании современных экономических и военных технологий при сохранении политического традиционализма, основной чертой которого является авторитарность.

Настоящая статья представляет собой анализ перспектив неоимперской политики в ведущих государствах арабо-мусульманского мира (Турции, Саудовской Аравии и Ирана) как сочетания цивилизационного универсализма и этнорелигиозной гетерогенности, а также элементов модернизации в современных условиях политической нестабильности региона Ближнего Востока.

После падения Османской империи исламский мир утратил универсальное политико-религиозное единство. На фоне обостряющегося противостояния традиционализма и модернизационных тенденций в мусульманских обществах государства Ближнего Востока вступают в противостояние за политическое преобладание в регионе и мусульманском мире.

В конце XX в. список государств – претендентов на политическое превосходство в арабо-мусульманских странах был довольно широк: Турция, Сирия, Ирак, Иран, Египет, Саудовская Аравия, Пакистан и Иран имели свои преимущества и недостатки в плане достижения лидерства на Большом Ближнем Востоке. К началу второго десятилетия XXI в. под влиянием экзогенных (вторжение США в Афганистан и Ирак) и эндогенных («арабская весна») факторов список конкурентов за преобладание на Ближ-

² Необходимо отметить, что США как государство, субъект международных отношений, сохраняя экономическое и военное превосходство, все менее способны оказывать влияние на мировые политические процессы. Отмечается ослабление роли США в принятии важнейших политических решений на глобальном уровне, что способствует проявлению стремительных перемен в глобальном геополитическом ландшафте (см.: Заседание Научного совета при министре иностранных дел России на тему: «Процесс реконсолидации цивилизаций на фоне уменьшения глобального влияния Запада: выводы для внешней политики России». 27.12.2011. Режим доступа: http://www.mid.ru/BDOMP/brp_4.nsf/sps/CB66D3D2EFF1F40744257974004DCE9C (дата обращения: 12.02.2013)), в том числе противоречий среди развивающихся государств. При сохранении заинтересованности их правящих групп в экономических и научно-технологических связях с Западом на первый план выходит противостояние между самими развивающимися государствами.

нем Востоке сократился. Представляется, что в условиях нестабильности, все больше охватывающей Ближний Восток, несколько региональных держав-соперников вступят в противостояние за доминирование в арабо-мусульманском мире.

При рассмотрении геополитического противостояния между ведущими державами Ближнего Востока следует учитывать, что на его ход и результаты будут влиять «основные “полюса силы” в современном мире – Европа, США, Россия и Китай» [Стегний, 2012, с. 75]. Интересы этих держав так или иначе связаны с богатством Ближнего Востока углеводородными энергетическими ресурсами и обеспечением доступа к ним. Стремление ведущих государств региона к обладанию ядерным оружием, деятельность экстремистских исламских организаций («Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Хезболла», «Хамас») и неурегулированность арабо-израильского конфликта выступают дополнительными факторами внимания мировых сил к ведущим государствам Ближнего Востока. Таким образом, при анализе политической ситуации на Ближнем Востоке нельзя не учитывать влияние современных «великих держав» – ведущих участников международных политических и экономических отношений.

Турция представляет собой государство, образованное в географическом и этническом центре Османской империи после ее распада. На протяжении XX в. Турция переживала экономические и социальные трудности и только в конце прошлого века ей удалось «добиться экономического рывка и обеспечить поступательное движение на годы вперед. Преодолев “шоковую терапию” и инфляционную спираль в 1990-е годы, страна добилась стабильных темпов роста ВВП, превышавших 4% в год. За десятилетие (1988–1998 гг.) ВВП вырос в 3 раза – с 90 млрд долл. до 269 млрд долл.» [Люкманов, 2011, с. 39]. В условиях современной мировой трансформации и после того, как перспектива вступления в ЕС отодвинулась на неопределенный срок, имперское прошлое стало актуальным наследием для Турции.

В последние годы, как отмечает турецкий ученый И. Туран, целый ряд факторов привел к тому, что турецкие политики и стратеги стали считать свою страну региональной державой, способной влиять на мировую политику. Этому способствовали экономические достижения, благодаря которым у Турции появилась возможность оказывать помощь более бедным государствам, входящим в сферу ее интересов, таких как республики Центральной Азии, а также небольшим и сравнительно бедным балканским странам [Туран, 2011, с. 134].

В условиях геополитических сдвигов, начавшихся в регионе Ближнего Востока, отмечает П. Стегний, не столько арабский мир дрейфует в сторону Турции, сколько Турция в сторону арабского мира [Стегний, 2012, с. 74].

Волна «революций» в Северной Африке и на Ближнем Востоке только усилила претензии Турции на роль лидера исламского мира. После начала политических потрясений на Ближнем Востоке политическое руководство Турции посчитало, что в новых геополитических реалиях необходима трансформация стратегических интересов страны. Если до «арабской весны» турецкие власти следовали «концепции стратегической глубины», направленной на сглаживание противоречий с соседними государствами³,

³ В рамках данной доктрины был установлен политический курс на «нулевые проблемы с соседями» и определен часто независимый от США и враждебный к Израилю внешнеполитический курс страны. В соответствии с ней Турция должна главным образом ориентироваться на Балканы, Ближний Восток и Центральную Азию – регионы с общей культурой и историческими связями. Став естественной наследницей Османской империи, Турция могла бы играть стратегическую роль в качестве мусульманской региональной силы. Основные положения доктрины состоят в следующем: Турция находится в центре нового мирового порядка; Турция занимает уникальное стратегическое положение, поскольку она расположена в нескольких географических регионах и бассейнах морей;

то после, следуя доктрине «неоосманства» [Волович, 2011], ставшей «в последние годы стержнем внутренней и внешней политики Турции» [Малышева, 2012, с. 102], встали на сторону протестующих и способствовали формированию на территории Турции оппозиционных группировок сначала Египта, а затем Ливии и Сирии [Глазова, 2011]. При этом Турция действует в направлении дестабилизации политических режимов в регионе, достигнув соглашения с США о политическом реформировании ближневосточного геополитического пространства. По оценке российского тюрколога И.А. Свистуновой: «Турция, претендующая на роль регионального лидера, попыталась воспользоваться потрясениями в арабском мире для того, чтобы усилить свое влияние в регионе, распространяя турецкий опыт демократизации и либерализации. В соответствии с этим Анкара сделала ставку на поддержку протестных движений, характеризующихся как демократические» [Свистунова, 2012, с. 10]. Это указывает на то, что Турция может предложить арабскому миру свою модель совмещения исламских ценностей и западной модернизации. При этом трудно предположить, как такая модель будет воспринята арабскими странами в современных нестабильных условиях, но обоснованным представляется мнение о том, что Турция стремится воспользоваться этим шансом, чтобы упрочить свое влияние и стать одним из мировых лидеров [Аватков, 2012, с. 14].

По мнению Е.Я. Сатановского, «Турция – самостоятельный игрок, четко демонстрирующий имперские амбиции. Она фактически претендует на роль сверхдержавы суннитского мира... У Анкары свои интересы в регионе. С точки зрения ее геополитиков, Турции “по справедливости” должны принадлежать значительные территории Ирака и Сирии»⁴. При этом раздел Стратегии развития Турции до 2023 г., регламентирующий политику в сфере внешней политики, открыто содержит целевые установки по утверждению регионального лидерства Анкары. В этом плане все более заметным становится соперничество с Ираном. Наиболее заметными странами пересечения интересов Турции и Ирана стали Египет и Сирия. Отечественные эксперты говорят о соперничестве-сотрудничестве Турции с Ираном, указывая на факторы, способствующие и первому, и второму [Вартазарова, Стегний, 2012, с. 35–38]. Все же, как представляется, в условиях нестабильности Ближнего Востока, действия эндогенных (обострение геополитических противоречий) и, возможно, экзогенных (влияние «великих держав») факторов, отношения между Анкарой и Тегераном скорее могут развиваться по линии соперничества.

Турецкая политика приобретает многовекторность, характерную уже не столько для региональной державы, сколько для одного из центров мировой политики. Роль евразийского моста между Европой и Азией для транспортировки углеводородных ресурсов [Ханна, 2010, с. 78] уже не соответствует амбициям турецкой политической элиты. Сотрудничество с Европой и США (недавний пример – поставки комплексов ПВО Patriot) представляется основой для распространения турецкой политической модели на страны Арабского Востока. Турция все больше вовлекается в сирийский конфликт (на территории Турции не только размещаются сирийские беженцы, в Стамбуле открыты представительства сирийских оппозиционных организаций, нередко происходят обстрелы сирийской территории)⁵. Также турецкий парламент предоставил пра-

региональные кризисы могли бы создавать предварительные условия для эффективной турецкой дипломатии; демократия как величайшее достижение Турции [Протопапас, 2011, с. 50–51].

⁴ Ближний Восток: война всех против всех. Интервью Э. Галумова с Е. Сатановским // Мир и политика. 2012. № 1 (64). С. 10.

⁵ Война на аутсорсинг. Конфликт в Сирии выплеснулся за ее пределы // Лента.ру. 2013. 30 мая. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/05/30/escalate/> (дата обращения: 14.07.2013).

вительству годичный мандат на проведение трансграничных армейских операций⁶. Все перечисленные факты указывают на возможность военного вмешательства со стороны Анкары в сирийский конфликт, несмотря на неоднозначное отношение к турецкой политике со стороны общества [Гаджиев, 2012]. При этом Турция с 1990-х годов активно налаживает сотрудничество со странами бывшего постсоветского пространства (наиболее заметный пример – Азербайджан). Кроме того, в последние годы у турецкой политики появилось новое направление – африканское, Турция наращивает свою экспансию в Сомали, явно рассматривая эту «площадку» в качестве возможного оплота для дальнейшего проникновения на этот континент [Быстров, 2013].

Политика Турции направлена на максимальное упрочение позиций страны для реализации экономических и военных преимуществ. В развертывающейся политической борьбе на Ближнем Востоке Турция обладает преимуществом в качестве единственного в регионе государства, успешно внедрившего основные экономические технологии и социальные практики модерна, обладающего многочисленной современной армией. Такое исламское государство может претендовать на статус центра неоимперского объединения исламских стран Ближнего Востока вместе с распространением своего доминирования и повсеместным внедрением политической модели сочетания мусульманских традиций с модернизированными политическими институтами.

До сих пор Турция остается в стороне от основного политического противостояния на Ближнем Востоке – между Саудовской Аравией и Ираном, проходящего под религиозными символами суннизма и шиизма. В геополитической трансформации мусульманских стран Ближнего Востока проявляет заинтересованность не только Турция, но и другая держава, готовая предъявить претензии на религиозно-идеологическое политическое лидерство и господство в регионе – Саудовская Аравия.

Саудовская Аравия – крупнейшее государство Аравийского полуострова, образованное после Первой мировой войны в результате победы Саудилов в междоусобных конфликтах, провозгласивших в 1932 г. образование Королевства Саудовская Аравия. С тех пор династия правит страной, на территории которой расположены главные мусульманские святыни (Мекка и Медина) и сосредоточено до четверти мировых запасов нефти.

В свете настоящей статьи особое значение имеют два фактора, относящиеся к внутренней политике Саудовской Аравии: во-первых, это государство – абсолютная монархия; во-вторых – это теократическое государство.

Со времени образования Саудовская монархия не претерпела существенных изменений своего конституционного строя. Ряд реформ модернизационного характера, предпринятых королем Фейсалом в 1960 – начале 1970 годов, включающих ограничение рабства, развитие нефтяной промышленности, формирование системы образования и здравоохранения [Зайчиков, 2004, с. 222–223], не затронул формы правления королевства. Правовую основу Саудовской абсолютной монархии составляют Коран и Основной закон правления, дарованный королем Фахдом в 1992 г. [Волкова, 2009].

По заключению А.И. Яковлева, Саудовское государство – иноприродно западной модели современного государства... Основатель Саудовской Аравии после завоевания и покорения в 1900–1920-е годы различных частей Аравии взял за образец нового государства образ Халифата времен первых, «праведных» халифов, основным принципом которого был шариат. В то же время в более отсталом Неджде Ибн Сауд положил в

⁶ Правительство Турции получило мандат на военные операции в Сирии // РИА Новости. 2013. 4 октября. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20121004/766131765.html#ixzz2Z20nb4NR> (дата обращения: 14.07.2013).

основу формирования государства концепцию уммы (религиозной общины), а в более развитой провинции Хиджаз – концепцию светского централизованного государства с элементами представительной власти [Яковлев, 2011, с. 84]. Саудидам удается реализовывать локальные модернизационные преобразования в экономике, образовании и социальной сфере при сохранении в своих руках основного экономического капитала и политической власти. На рубеже XXI в. экономика и политика Саудовской Аравии находилась под контролем наиболее активных представителей семьи Саудилов (около 80 человек [Яковлев, 2000, с. 165]), которые и составляли правящую элиту исламского государства.

Как отмечалось ранее, вторым обстоятельством, обращающим на себя внимание при рассмотрении политики Саудовской Аравии, является ее исламский характер. Причем для Королевства ислам – не только официальная религия государства, но, по-видимому, руководство к реальной политической деятельности. Как отмечает А.Я. Нейматов, «саудиты убеждены, что призвание их страны – играть мессианскую роль, выступая в качестве “светоча ислама” и лидера мусульманского мира... подразумевается создание в формирующемся многополярном мире сильного исламского полюса, способного защищать интересы мусульманских стран» [Нейматов, 2010, с. 197]. Понимание ислама в таком аспекте приводит к провозглашению преобладания общеисламских интересов над государственными, в то время как в политической реальности доминируют интересы семьи Саудилов.

Таким образом, исламский религиозный универсализм (в его фундаменталистской трактовке в рамках учения ваххабизма), выступающий в качестве идеологической основы авторитарного режима Саудилов, который в свою очередь представляет собой одну из наиболее консервативных политических систем современности, сосредотачивает политическую власть в руках одной семьи. В совокупности эти обстоятельства, с учетом средств, полученных от экспорта нефти, и связанной с этим поддержкой со стороны США, могут рассматриваться в качестве основы для проведения политики, направленной на доминирование в арабо-мусульманском мире.

Саудовская монархия предлагает собственную модель ограниченной модернизации, главным образом в сфере добывающей промышленности и социальной сфере, в сочетании с консервативной политической моделью теократической монархии, в наибольшей степени отвечающей идеалам и традициям политической власти арабского Востока. Представляется очевидным, что такая политика, направленная на доминирование среди арабских государств Ближнего Востока, если не полностью соответствует парадигме имперской политики, то близка к ней.

Политика Саудовской монархии со времени проведения успешных реформ короля Фейсала, предоставивших в распоряжение династии значительные финансовые ресурсы, была направлена на доминирование на Аравийском полуострове. Несмотря на то, что в 1968–1971 гг. Саудидам не удалось образовать федерацию монархий полуострова с участием Бахрейна и Катара, все же в 1972 г. ими было организовано восстание в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) в поддержку традиционалистов (сторонников широкой автономии эмиратов), в результате Саудиты не допустили укрепления центральной власти в ОАЭ эмира Абу-Даби Заида, тем не менее ставшего президентом ОАЭ. Также в 1972 г. Саудовская Аравия вмешалась в политику Катара, поддержав военный переворот шейха Халифа. Также Саудовская монархия стремилась оказывать влияние на политическую ситуацию в Бахрейне, Омане и Кувейте. По заключению Ю.И. Лосева и И.В. Комеровой, Саудовская Аравия в 1969–1973 гг. добилась некоторых успехов по включению государств Аравийского полуострова

«в орбиту своей политики» [Лосев, Комерова, 2007, с. 107]. «Этому немало способствовал страх правителей монархий перед национально-освободительным движением в регионе. Правители княжеств видели в Саудовской Аравии гаранта существовавших феодально-монархических структур и сильного союзника в борьбе против прогрессивных сил. Сближению этих княжеств с Саудовской Аравией способствовали также опасения перед гегемонистской политикой Ирана» [Там же].

События второй половины прошлого века показывают не только традицию соперничества за региональную гегемонию между ведущими государствами (между Ираном и Саудовской Аравией), но и то, что политика Саудовской Аравии по установлению своего доминирования посредством поддержки консервативно-монархических исламских сил имеет давнюю историю. При этом немаловажное значение имеет нестабильность общественных отношений в регионе, связанная с борьбой модернизационных и традиционалистских тенденций.

Во второй половине 1970-х годов Саудиды сменили свою политику с непосредственного прямого вмешательства во внутренние дела соседних государств на более гибкое вмешательство с использованием имеющихся преимуществ в сфере добычи нефти. На фоне политической нестабильности на Ближнем Востоке в 1981 г. в Эр-Рияде был заключен договор о создании Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в котором Саудовская монархия заняла лидирующие позиции. Как отмечает И.В. Комерова, «этот Совет в первую очередь является организационно оформленным классовым союзом феодально-монархических режимов во главе с королевским домом Саудилов... В рамках этой организации Саудовская Аравия значительно расширила свои возможности влияния на внутреннюю и внешнюю политику своих союзников, включая их в орбиту своей политики» [Комерова, 2009, с. 251–252].

В 1980 годы главную угрозу стабильности политических режимов Аравийских монархий во главе с Саудовским королевством представлял Иран, в котором произошла шиитская революция. Угроза со стороны Ирана способствовала консолидации ССАГПЗ, осознанию аравийскими монархиями единства своих целей и необходимости скоординированной политики, направленной в то время на поддержку Ирака в его войне с Ираном. В то же время, как отмечает А.Ф. Чернова, «проблема опасений военного господства Ирана сыграла главенствующую роль в сближении ССАГПЗ с Западом, что в практическом плане на перспективу обусловило исключение Ирана из системы региональной безопасности» [Чернова, 2013, с. 100].

С этого времени Саудовская Аравия и ССАГПЗ поддерживают тесные связи с США, используемые последними для обретения преимуществ в условиях «холодной войны». После распада СССР сотрудничество США и ССАГПЗ продолжилось. К 2003 г. накопленные в странах ССАГПЗ американские инвестиции превысили 9 млрд долл., а активы стран ССАГПЗ в США, по различным оценкам, составляют в настоящее время от 900 млрд до 1,3 трлн долл.; аравийско-американский товарооборот за период 1996–2002 гг. составлял не менее 20 млрд долл. ежегодно. Кроме того, за период 1996–2000 гг. США получили в странах аравийской шестерки заказы на поставку вооружений на сумму более 7 млрд долл. [Батыршин, 2006, с. 6]. Сотрудничество с США выступает для Саудилов не только гарантией сохранности их капиталов, но обеспечивает им военно-политическую поддержку в условиях нестабильности, охватившей регион, позволяя реализовывать собственные политические задачи, направленные не только на стабилизацию политических режимов стран – членов ССАГПЗ, но и распространение собственного влияния за пределы Аравийского полуострова.

Интеграция в рамках ССАГПЗ приобретает все более глубокий характер при лидирующей роли Саудовской Аравии. С 2003 г. происходит формирование Таможенно-

го союза стран ССАГПЗ. В декабре 2008 г. было объявлено о создании общего рынка шести арабских стран, призванного способствовать расширению взаимного торгово-экономического сотрудничества [Чеклина, 2010, с. 63–65], кроме того, в условиях глобального финансово-экономического кризиса был поставлен вопрос о введении единой резервной валюты для стран ССАГПЗ [Павлова, 2009, с. 67]. Все это указывает на основательный характер интеграционных процессов среди аравийских монархий, обусловленных необходимостью консолидации в условиях нового витка нестабильности, охватывающей арабский мир, и достижения своих политических целей. При этом страны ССАГПЗ, учитывая ядерную программу Ирана, заявляют о своих ядерных исследованиях в мирных целях [Мелкумян, 2009, с. 68]. Нельзя не учитывать, что страны ССАГПЗ занимают лидирующие позиции среди стран региона по импорту вооружений⁷.

Политика аравийских монархий (Саудовской Аравии и Катара) последних лет характеризуется отечественными исследователями как «агрессивная экспансия» [Хорос, 2012, с. 6]. В условиях «арабской весны» Саудовская монархия преследует двоякую цель: с одной стороны, не допустить распространения волнений на монархии Персидского залива, с другой – воспользоваться возникшей нестабильностью для распространения собственного влияния через поддержку фундаменталистских сил арабского Востока и тем самым не допустить усиления влияния других претендентов на господствующее положение на Ближнем Востоке, в первую очередь своего давнего соперника – Ирана.

Во время социально-политических потрясений 2011 г. Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива способствовали свержению авторитарных режимов в Египте и Ливии, но не допустили массовых выступлений собственного населения, способствовали их подавлению в Бахрейне. Обеспокоенность тем, что растущая активность шиитов в Бахрейне спровоцирует радикализацию шиитского населения и в других странах Залива, особенно в Саудовской Аравии, и создаст плацдарм иранского влияния в регионе, привела к решению Саудовской Аравии поддержать власти Бахрейна в подавлении «шиитского мятежа» путем ввода на территорию страны саудовского военного контингента [Степанова, 2011, с. 44–45]. Военная интервенция становится привычным средством действий для аравийских монархий – Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ. Так, Катар и ОАЭ «стали архитекторами международной интервенции в поддержку восставших» [Ульрихсен, 2012, с. 157] в Ливии. ВВС Саудовской Аравии наносили удары по шиитским повстанцам в Йемене и блокировали побережье этого государства [Реутов, 2009].

Политику Саудовской Аравии отличают геополитические соображения, связанные уже не столько с опасениями усиления позиций Ирана в регионе, сколько с увеличением собственного влияния на фоне нестабильности, охватившей арабский мир. В декабре 2011 г. лидеры ССАГПЗ объявили о намерении создать Союз арабских государств Персидского залива. Инициатива принадлежала Королю Саудовской Аравии Абдалле, который, обращаясь к лидерам соседних государств, призвал их «перейти от этапа сотрудничества к объединению, к единой структуре»⁸. В декабре 2013 г. Саудовская Аравия активизировала усилия по объединению монархий Персидского залива

⁷ По итогам 2012 г., 1-е место в рейтинге импортеров вооружений в регионе Ближнего Востока занимают ОАЭ – 4,8 млрд долл. (28,5% от объема импорта всего региона Ближнего Востока в 2012 г.). Второе место по объему импорта в 2012 г. занимает Саудовская Аравия – 2,843 млрд долл. (16,87%) [Центр анализа мировой торговли оружием, 2013].

⁸ Аравийские монархии Персидского залива собираются объединиться в союз // РИА Новости. 2011. 2 декабря. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20111220/521821055.html> (дата обращения: 18.07.2013).

в некий союз⁹ с целью сохранения их политических режимов, противодействия растущему влиянию Ирана и шиизма.

Активная политика Саудовской Аравии и Катара в гражданской войне в Сирии направлена, по мнению С.В. Филатовой, на «создание на территории Сирии исламистского государства с подконтрольными властями» [Филатова, 2012, с. 84]. В то же время монархии Персидского залива оказывают широкую финансовую поддержку исламистским силам, действующим в Африке [Лебедева, 2012, с. 145]. В совокупности эти обстоятельства однозначно указывают на политический курс Саудовской Аравии и их союзников, монархий Персидского залива, на дестабилизацию мусульманских стран Ближнего Востока и Африки в условиях, когда все более очевидным становится относительное ослабление влияния США в регионе, связанное не только с сокращением их военного присутствия, но и с политико-экономическим противостоянием Китая и внутренними финансовыми проблемами. На этом фоне возрастает политическое влияние «на Ближнем Востоке таких крупных региональных игроков, как Иран, Турция и Саудовская Аравия» [Львов, 2013].

Среди этих трех претендентов на доминирующую роль Саудовская Аравия наиболее близка к «арабской улице» в этническом и языковом отношении, кроме того, хотя Саудиды выступают как последователи ваххабизма, для большинства арабов-мусульман они – хранители главных религиозных святынь Ислама, расположенных в Мекке и Медине. Последние события в Египте, связанные со свержением президента М. Мурси, представителя «братьев-мусульман», подтверждают популярность династии у арабов [Мануков, 2013], что стимулирует рост политических амбиций Саудидов.

Это вновь указывает на то, что политическая модель, основанная на сочетании монархизма, фундаменталистской религиозной традиции и элементов экономической модернизации, предлагаемая Саудовской монархией, может быть востребована в других странах арабского мира. Саудовская Аравия, используя свои основные преимущества – доходы от экспорта нефти, альянс с США и религиозную идеологию, реализует собственный политический проект, наиболее близкий к концепции исламского халифата, который, возможно, окажется востребованным если не на всем Ближнем Востоке, то на значительной его части, прилегающей к Аравии.

В современном треугольнике государств, претендующих на определяющую роль на Ближнем Востоке, особое место занимает Исламская республика Иран.

При обращении к современной политике Ирана необходимо отметить давнюю имперскую традицию этого государства, восходящую к Ахеменидской и Сасанидской державам. В Новое время Иран не был непосредственно подчинен ни одной европейской колониальной империи, хотя Россия и Великобритания в начале XX в. заключили договор о сферах влияния в Персии (1907 г.). Суверенная государственность Ирана непрерывно существует с XVI в. со времени утверждения династии Сефевидов, тогда же государственной религией стал шиитский ислам.

После исламской революции 1979 г. в Иране был установлен теократический режим шиитского духовенства. Тем не менее за прошедшие тридцать лет политический режим эволюционировал в сторону делегирования представителям светского общества непосредственного государственного управления при сохранении за шиитскими богословами контроля за политическим и экономическим курсом, а также вопросами социального развития. Как отмечает С.Б. Дружиловский, «сегодня абсолютный контроль высшего шиитского духовенства за происходящими в Иране событиями

⁹ Союз нерушимый монархий Залива // Лента.ру. 2013. 18 декабря. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/12/17/usa/> (дата обращения: 18.12.2013).

обеспечивается полномочиями рахбара (он же – факих, высший руководитель, религиозный лидер, в настоящее время А. Хаменеи. – В. Ш.), Наблюдательного совета, Совета по целесообразности, а также через СМИ и существующую в стране систему судопроизводства. Решающую роль в этом вопросе играет также деятельность служителей многочисленных мечетей» [Дружиловский, 2007, с. 141]. По мнению исследователя, в современном Иране существует политическая конкуренция между несколькими религиозно-политическими группировками, хотя и отличающимися во взглядах, но в целом основывающих свою идеологию на религиозно-консервативных убеждениях.

Все же Исламская республика Иран (ИРИ), несмотря на некоторую эволюцию политической системы в сторону большей демократичности (в особом иранском варианте – «мардомсалари – господство народа») сохраняет основные черты теократии. При этом неперсидские народы – курды и азербайджанцы – не получили в ИРИ равноправного статуса [Алиев, 2004, с. 549–550], хотя персы составляют не более двух третей населения государства [Васильев, 2012, с. 4].

Стабилизация внутривластной ситуации в Иране и то обстоятельство, что со времени исламской революции Иран в большей или меньшей степени находится под политическим давлением со стороны США, способствует прагматичной внешней политике ИРИ. Как отмечает Д. Малышева, «внешняя политика Ирана, пережившего исламскую революцию, должна бы, казалось, быть религиозно обусловленной и потому идеологизированной, а на деле она больше подчинена национальному интересу, нежели исламу. Иранские руководители умело сочетают ультрареволюционную риторику с осторожностью и расчетливостью *realpolitik*. Ни последователям Хомейни, ни «прагматикам» в иранском руководстве не присуща слепая приверженность религиозной догме» [Малышева, 2002, с. 109]. Безусловно, в современных условиях политической нестабильности режимов на Ближнем Востоке политическое руководство Ирана заинтересовано прежде всего в сохранении своих властных позиций, тем не менее именно «прагматичный подход», приверженность принципам *realpolitik* выступает основой для возможной экспансии и проведения неоимперской политики.

Ведь в рамках *realpolitik* политические отношения между государствами воспринимаются в качестве «игры с нулевой суммой». При рассмотрении политических амбиций Турции и Саудовской Аравии можно убедиться (не говоря уже об исторических примерах), что прагматичное отношение к политике диктует необходимость вмешательства в дела других государств, поддержки тех или иных политических сил, распространения собственного влияния в ущерб влиянию других держав. Это тем более актуально, что в современном арабском мире происходят процессы, исход которых с полной уверенностью, пожалуй, никто не может предсказать. Также нельзя не учитывать того, что количество государств – претендентов на лидерство, а в перспективе на доминирование на всем Ближнем Востоке, в последние годы заметно сократилось. В сложившейся ситуации Иран не может не учитывать того, что основным его политическим конкурентом в ближайшие десятилетия может стать новая арабо-мусульманская «супердержава». Для Ирана подобная перспектива тем более важна, что относительно недавно он столкнулся с агрессией со стороны Ирака (ирано-иракская война 1980–1988 гг.).

Нельзя не учитывать и того, что иранская теократия со времени своего утверждения ставила перед собой цель экспорта исламской революции. Исследователь Ирана С. Алиев пишет: «Надо отметить, что еще Хомейни и его соратники первоначально возлагали большие надежды на экспорт исламской революции. В то же время они скоро осознали, что концепция массового возвращения в лоно ислама большинства населения бывших составных частей мусульманского мира не имеет под собой реаль-

ной почвы, во всяком случае, на данном историческом этапе» [Алиев, 2004, с. 531]. С тех пор ситуация вокруг Ирана изменилась, Ближний Восток вступает в новый этап своего развития, а верховная власть в Иране по-прежнему в руках теократии, для которой распространение политического влияния в мусульманском мире может вновь стать приоритетной задачей, особенно в отношении прилегающих районов Ирака, населенных преимущественно шиитами. Ю.В. Мотовилов отмечает, что в своей политике, направленной на достижение лидерских позиций и укрепление геополитического влияния, Иран использует в одних случаях фактор шиитской (исламской) идентичности, в других — апеллирует к культурно-исторической и языковой общности. При этом «принцип экспорта революции, заложенный в конституции государства, остается важнейшим инструментом внешней политики ИРИ, хотя и носит в настоящее время скрытый, малоафишируемый характер» [Мотовилов, 2005, с. 26]. Последние события на Ближнем Востоке демонстрируют стремление ИРИ играть определяющую политическую роль в регионе.

В последние годы политическое руководство Ирана все больше позиционирует себя в качестве защитника интересов мусульман. Хотя, как отмечает Д. Манукян, «такие, на первый взгляд, тесные отношения с Сирией, послевоенным Ираком, движением “Хамас”, палестинским “Исламским Джихадом”, ливанской “Хезболлой” на самом деле являются “браками по расчету”, которые могут распасться при неблагоприятном стечении обстоятельств» [Манукян, 2010, с. 23]. Все же в последние годы политика Тегерана активизируется, и это обусловлено трансформациями в арабских государствах. Л.М. Кулагина, В.М. Ахмедов отмечают, что «иранская правящая элита рассматривает революционные события в арабских странах как часть исламского пробуждения» [Кулагина, Ахмедов, 2013]. Действительно, события последних лет дают Ирану упрочить свое влияние в регионе, пользуясь возросшей нестабильностью в арабском мире и религиозно-политическими противоречиями между общинами суннитов, шиитов и других групп.

Представляется, что в современных условиях Тегеран весьма близок к тому, что В.А. Орлов определил как четвертый круг задач ИРИ, который «связан с экспансией влияния в регионе, утверждением в качестве региональной сверхдержавы и магнита притяжения для всех мусульман Ближнего Востока, вне зависимости от того, сунниты они или шииты» [Орлов, 2013, с. 59]. Наиболее определенно политика Ирана проявляется в сирийском конфликте. Тегеран не только выразил поддержку президенту Б. Асаду, но, по всей видимости, помогает ему оружием и добровольцами¹⁰. В случае если сторонники правительства Сирии сохраняют контроль над страной или ее частью, они будут находиться в значительной зависимости от Тегерана.

Но более важное место в политике ИРИ занимает послевоенный Ирак, в котором большинство населения составляют шииты и продолжается противостояние между ними и суннитским населением. В современных условиях Иран имеет полное право рассматривать себя в качестве региональной сверхдержавы и стремится к установлению фактического контроля над традиционным соперником в регионе [Хуссейн, 2012, с. 48], в то время как Ирак находится в дезинтегрированном состоянии после вторжения США и их союзников. При этом власть в Ираке принадлежит шиитскому прави-

¹⁰ См.: Война на аутсорсинг. Конфликт в Сирии выплеснулся за ее пределы // Лента.ру. 2013. 30 мая. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/05/30/escalate/> (дата обращения: 14.07.2013).

Сирийские повстанцы нашли в Дамаске иранские войска и «Хизбаллу» // Лента.ру. 2013. 3 апреля. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/04/03/heretheyare/> (дата обращения: 14.07.2013).

К защите режима Асада подключились иракские шииты // Лента.ру. 2013. 27 мая. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/05/27/iraqis/> (дата обращения: 14.07.2013).

тельству, в целом дружелюбно настроенному к Ирану. Нельзя не согласиться с заключением С.М. Рогова: «сегодня внутри “Большого Ближнего Востока” у Тегерана не осталось сдерживающих факторов. Более того, в связи с выводом войск США из Ирака и Афганистана, время на стороне Ирана» [Рогов, 2012, с. 9].

Действительно, политика Тегерана на современном этапе, с точки зрения США и их союзников, направлена на признание ИРИ в качестве «важнейшей региональной державы Персидского залива – это в более узком контексте, а в более широком – всей Азии» [Братерский, 2012, с. 221]. Причем данная точка зрения не лишена оснований. В этой связи нельзя не сказать о ядерной программе Тегерана.

По заявлениям специалистов МАГАТЭ, сделанным в 2003–2005 гг., Иран уже более двадцати лет проводит незаявленную деятельность с ядерными материалами и не соблюдает ДНЯО¹¹. Несмотря на то, что официально Иран настаивает на мирном характере своей ядерной программы, есть основания предполагать, что результаты исследований могут быть использованы для создания ядерного оружия. По мнению А.Г. Арбатова, «технически Иран уже стоит на “ядерном пороге”» [Арбатов, 2012, с. 12]. Таким образом, нельзя исключать того, что политическое руководство ИРИ примет окончательное решение о создании ядерного оружия и программы совершенствования средств его доставки – баллистических ракет. При таком варианте развития событий обладающий ядерным потенциалом Иран сможет диктовать свои условия большинству стран Ближнего и Среднего Востока и в конечном счете реализует свои амбиции, направленные на достижение статуса «сверхдержавы».

Имперские амбиции Ирана основаны на распространении шиитской религиозно-политической модели, реализованной в самой ИРИ, для реализации своей цели – региональной гегемонии, в чем видится окончательный способ укрепления теократического режима. Это стремление является традиционным для ИРИ и она уже в военно-политическом отношении «являлась безусловным лидером на Среднем Востоке, одним из ключевых игроков в Юго-Западной Азии» [Юртаев, 2012, с. 42]. Для достижения своей цели Иран в период нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке, используя панисламистскую идеологию, официально поддерживает движение «Хезболла», которое становится его «агентом влияния» [Васильев, 2012, с. 5]; оказывает помощь своему союзнику – Сирии, оказывающейся в роли младшего партнера. Влияние Ирана проникает в Ирак, особенно в его шиитские области, а также на пространство бывшего СССР, в Таджикистан (см. [Боев, 2013; Пурьжинский, 2013]).

Единственное теократическое государство исламского мира – Иран – в современных условиях выступает не только носителем древней традиции имперского господства, но проводит политику, направленную на установление собственного господства в регионе на фоне существующих в нем противоречий. Конфликт в Сирии ярко высвечивает конфронтацию между двумя консервативно-религиозными силами Ближнего Востока – ИРИ и арабийскими монархиями, каждая из которых претендует на доминирующую роль на Ближнем Востоке.

Современный Иран далек от полного соответствия модели имперского государства, но рассмотренные выше характерные черты его политики – теократический характер иранской автократии, использование панисламизма и паниранизма, поддержка радикальных исламских движений (Хезболла), вмешательство в политику других государств (Ирак, Сирия), экономическое проникновение в другие регионы (Центральная

¹¹ Ядерный и ракетный потенциал Ирана. Совместная техническая оценка угроз экспертами из США и России. Доклад Института Восток – Запад. Май, 2009. С. 26. Режим доступа: http://issuu.com/ewipublications/docs/ru_iran_03/1?e=9392629/5360135 (дата обращения: 18.12.2013).

Азия), ядерная программа и программа развития ракетного оружия — показывают, что политическое руководство ИРИ вступило в борьбу за роль центра неоимперской интегративности среди мусульманских народов «Большого Ближнего Востока».

Таким образом, по мере уменьшения влияния США в регионе «Большого Ближнего Востока», скорее всего, будут нарастать политические противоречия между рассмотренными тремя державами — Турцией, Саудовской Аравией и Ираном, каждая из которых имеет собственные великодержавные амбиции и способна предложить свой опыт сочетания модернизационных изменений с мусульманским традиционализмом. Турция представляет пример наибольшей внедренности политических модернизационных практик и связанной с этим вестернизацией, Саудовская Аравия предлагает авторитарную монархическую модель, основанную на ваххабизме, наиболее близкую к традициям имперской власти, иранский неотократический проект связан с господством шиитских богословов. При этом каждое государство по-своему чуждо в этническом и (или) религиозном плане большинству арабо-мусульманского мира, отверженному суннизму. В связи с этим распространение политического влияния, а тем более господства какого-либо из этих государств, будет принимать неоимперские формы. Вероятным выглядит сценарий, при котором в перспективе данные неоимперские центры разделят сферы господства в регионе, установив в них близкие им по типу формы правления. Нельзя исключать и появления еще одного проекта надгосударственной интеграции арабо-мусульманского мира, носителем которого может выступить какая-либо экстремистская организация (наподобие «Хамас» или «Аль-Каиды»), пришедшая к власти вследствие охватывающей регион анархии.

Литература

Аватков В.А. (2012) Арабская весна и великодержавные амбиции Турции // Влияние событий «Арабской весны» на регион в контексте внешней политики Турции / отв. ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружниковский. М.: Русориент, Турецкий клуб МГИМО. С. 13–17.

Алиев С.М. (2004) История Ирана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+.

Арбатова А.Г. (2012) Ползучий кризис // Азия и Африка сегодня. № 8 (661). С. 11–13.

Батыршин И.М. (2006) Экономические связи Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива с США (современные тенденции и перспективы развития). Автореферат дисс. ... канд. экономич. наук.

Боев Э.Б. (2013) Развитие отношений между персоязычными государствами в период президентства М. Ахмадинежада // Материалы конференции Института Востоковедения РАН «Особенности политики ИРИ в период президентства Ахмадинежада». Режим доступа: <http://www.ivran.ru/ac-en/468> (дата обращения: 18.07.2013).

Братерский М.В. (2012) Вашингтон и новые региональные державы Азии // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрестоматия в 6 т. / под ред. И. Иванова. Т. 3. М.: Аспект Пресс. С. 206–228.

Быстров А.А. (2013) Турецкая экспансия в Сомали / Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=17845> (дата обращения: 14.07.2013).

Вартазарова Л.С., Стегний П.В. (ред.) (2012) Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН.

Васильев А.М. (2012) Иран как «шиитская сверхдержава»: реальные и мнимые вызовы // Азия и Африка сегодня. № 8 (661). С. 3–8.

Волкова А.В. (2009) Консультативный совет Саудовской Аравии: традиции, возможности институционального развития // Вестник РГГУ. № 9.

Волович А.А. (2011) Турция и «арабские революции» 2011 года // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-05-11a.htm> (дата обращения: 15.07.2013).

- Гаджиев А.Г. (2012) Противоречия в сирийской политике Турции (по материалам турецкой прессы) // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/10-02-12.htm> (дата обращения: 14.07.2013).
- Глазова А.В. (2011) Новая стратегия Турции на Ближнем Востоке // НГ Дипкурьер. № 283. 26 декабря.
- Дружиловский С.Б. (2007) Иран: эволюция «исламской модели развития» // Политика. № 4 (47). С. 139–146.
- Зайчиков В.И. (2004) Король Фейсал Ибн Абдель Азиз: путь к власти, саудовские реформы // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». № 1 (4). С. 217–224.
- Комерова И.В. (2009) Стратегия внутренней и субрегиональной политики Саудовской Аравии: вторая половина XX века: диссертация кандидата исторических наук. Рязань. С. 251–252.
- Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. (2013) Иран и арабские революции на Ближнем Востоке // Материалы конференции Института Востоковедения РАН «Особенности политики ИРИ в период президентства Ахмадинежада». Режим доступа: <http://www.ivran.ru/ac-en/468> (дата обращения: 18.07.2013).
- Лебедева Э.Е. (2012) Кризис в Мали // Ежегодник Север – Юг – Россия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН.
- Лосев Ю.И., Комерова И.В. (2007) Саудовская Аравия во взаимоотношениях с княжествами залива в период с 1968 по 1973 гг. // Российский научный журнал. № 1. С. 101–107.
- Львов П. (2013) Что остается делать США на Ближнем Востоке? // Новое восточное обозрение. 12 июля. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2013/07/12/what-are-the-choices-of-the-us-on-the-middle-east/> (дата обращения: 18.07.2013).
- Люкманов А.Р. (2011) Модернизация «по-османски» // Международная жизнь. № 10. С. 35–49.
- Малышева Д. (2002) Мусульманский компонент мировой политики // Pro et Contra. Т. 7. № 4. С. 104–126.
- Малышева Д.Б. (2012) Несостоявшееся региональное лидерство Турции // Ежегодник Север – Юг – Россия / отв. ред. В.Г. Хорос., Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН. С. 99–102.
- Мануков С. (2013) Аравийский парадокс // Expert Online. 17 июля. Режим доступа: <http://expert.ru/2013/07/17/aravijiskij-paradoks/?n=66992> (дата обращения: 18.07.2013).
- Манукян Д.А. (2010) Политика Ирана на Ближнем Востоке в условиях глобализации. Автореферат дис. на соискание степени канд. полит. наук. СПб.
- Мелкумян Е.С. (2009) Проблема ядерного нераспространения на примере региона Персидского залива // Вестник РГГУ. № 9. С. 55–72.
- Мотовилов Ю.В. (2005) Особенности выработки и осуществления региональной политики Исламской Республики Иран в условиях глобализации. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. Н. Новгород.
- Нейматов А.Я. (2010) Исламский фактор и его влияние на политику Саудовской Аравии // Вестник Московского государственного областного университета. История и политические науки. № 1. С. 196–199.
- Орлов В. (2012) Лабиринт, которого нет // Россия в глобальной политике. № 1. С. 54–67.
- Павлова М. (2009) Мировая валютно-финансовая система в условиях кризиса и перспективы создания новых резервных валют // Perspectives of Innovations, Economics and Business. № 2. С. 62–69.
- Протопапас Д. (2011) Геополитические интересы Турции и восстания на Ближнем Востоке // Международная жизнь. № 10. С. 50–60.
- Пурьжинский Д.С. (2013) Политика ИРИ на центральноазиатском направлении в период президентства Ахмадинежада // Материалы конференции Института Востоковедения РАН «Особенности политики ИРИ в период президентства Ахмадинежада». Режим доступа: <http://www.ivran.ru/ac-en/468> (дата обращения: 18.07.2013).

- Реутов А. (2009) «Выжженная земля» дает все больше дыма: Столкновения в Йемене грозят перерасти в региональный конфликт // Коммерсантъ. № 211 (4266). 12 ноября.
- Рогов С.М. (2012) Роль Ирана в политике США на Ближнем востоке // Азия и Африка сегодня. № 8 (661). С. 8–11.
- Свистунова И.А. (2012) Внешняя политика России и Турции в условиях «Арабской весны» // Влияние событий «Арабской весны» на регион в контексте внешней политики Турции / отв. ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский. М.: Русориент, Турецкий клуб МГИМО. С. 10–12.
- Стегний П.В. (2012) ББВ: Большая Ближневосточная Весна. Или Война? // Россия в глобальной политике. № 1. С. 68–79.
- Степанова Е. (2011) Арабские революции: к диалектике причин и следствий // Пути к безопасности. Вып. 1–2 (40–41). М.: ИМЭМО РАН. С. 40–48.
- Туран И. (2011) Турция на подъеме: от неразвитой страны к региональной державе // Россия в глобальной политике. Т. 9. № 5. С. 124–138.
- Ульрихсен К.К. (2012) Арабские решения арабских проблем? // Россия в глобальной политике. № 2. Т. 10. С. 156–165.
- Филатова С.В. (2012) Внешние факторы сирийского конфликта // Ежегодник Север – Юг – Россия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН. С. 83–87.
- Ханна П. (2010) Второй мир. М.: Издательство «Европа».
- Хорос В.Г. (2012) Предисловие // Ежегодник Север – Юг – Россия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН.
- Хуссейн М.Х. (2012) Американская оккупация Ирака и ее региональное влияние // Вестник СамГУ. № 8/1 (99). С. 46–49.
- Центр анализа мировой торговли оружием (2013) Рейтинг импортеров вооружений в регионе Ближнего Востока возглавляют ОАЭ, Саудовская Аравия и Турция. Новости. 12 февраля. Режим доступа: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0221/115517211/detail.shtml> (дата обращения: 12.07.2013).
- Чеклина Т.Н. (2010) Особенности таможенных союзов развивающихся стран // Российский внешне-экономический вестник. № 7. С. 60–67.
- Чернова А.Ф. (2013) Ирано-иракская война 1980–1988 гг.: подходы монархий персидского залива // Научно-теоретический журнал «Общество. Среда. Развитие» («TERRA HUMANA»). № 1. С. 96–100.
- Юртаев В.И. (2012) Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979–2010 гг. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Яковлев А.И. (2011) Саудовская Аравия в начале XXI века: государство и проблемы развития // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. С. 84–97.
- Яковлев А.М. (2000) О современной элите в Саудовской Аравии // Политическая элита Ближнего Востока (сборник статей). М.: ИИИиБВ и ИВ РАН.

Prospects of Emerging Neo-imperial Centers in the Arab-Muslim World: Political Analysis

V. Shishkov

Vasily Shishkov – Phd in political sciences. Associate professor of the Department of Civil Service and Personnel Policy, Institute of Public Administration and Human Resources of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82/1 av. Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation; E-mail fh55@mail.ru

Abstract

This article examines neo-empirical policy in the 21st century in leading developing states that aspire to define their own model of political and socioeconomic development with a combination of traditional (including authoritarian) political forms and elements of western modernization. The author presents and substantiates the notion that political influence in the world will be divided among regional unions, uniting a heterogeneous periphery around the ruling centre. Such an arrangement justifies an ideology of unification associated with the implementation of one or another social-political model of development, i.e., acting within the context of an imperial state paradigm. One of the main political characteristics of such neo-imperial centres is the incompleteness of the formation of the national state, and, as a consequence, the absence of strong institutional grounds for the development of a democratic political system.

The author analyzes the neo-imperial policy of the three leading Arab-Muslim states of Turkey, Saudi Arabia and Iran, which offer differing combinations of universalism and ethno-religious heterogeneity, as well as elements of modernization and growing influence within the political instability in the Middle East. Each has its own great-power ambitions and experience in combining modernization with Islamic traditionalism. Turkey has introduced the most political modernization reforms and is most closely related with this westernization; Saudi Arabia offers an authoritarian monarchical model based on Wahhabism, which is much closer to the traditions of imperial power; and Iran's neo-theocratic project is related to the dominant Shiite theology. The article concludes that political contradictions in the regions among these three powers will grow, as each has its own imperial ambitions and can share its experience of combining modernization and Islamic traditionalism with other states in the Arab-Muslim world.

Key words: Empire, neo-Imperial centres, middle East, Turkey, Saudi Arabia, Iran

References

- Aliev S.M. (2004) *Istorija Irana. XX vek.* [The History Of Iran. XX century] Moscow: Institut vostokovedenija RAN.
- Arbatov A.G. (2012) Polzuchij krizis [Creeping crisis]. *Azija i Afrika segodnja*, no 8 (661), pp. 11–13.
- Avatkov V.A. (2012) Arabskaja vesna i velikoderzhavnye ambicii Turcii [Arab spring and Imperial ambitions of Turkey]. *Vlijanie sobytij "Arabskoj vesny" na region v kontekste vneshnej politiki Turcii* (eds. V.A. Avatkov, S.B. Druzilovskij). Moscow.
- Batyrsin I.M. (2006) *Jekonomicheskie svjazi Soveta sotrudnichestva arabskih gosudarstv Persidskogo zaliva c SShA (sovremennye tendencii i perspektivy razvitija)* [Economic ties of the Cooperation Council of Arab states Persian Gulf c U.S. (modern trends and development prospects)] Avtoreferat diss. kand. jekonomich. nauk. Moscow.
- Boev J.B. (2013) Razvitie otnoshenij mezhdju persojazychnymi gosudarstvami v period prezidentstva M. Ahmadinezhada [The development of relations between the Persian-speaking countries during the presidency of M. Ahmadinejad]. *Materialy konferencii IV RAN "Osobennosti politiki IRI v period prezidentstva Ahmadinezhada"*. Available at: <http://www.ivran.ru/ac-en/468> (accessed 18 July 2013).

- Braterskij M.V. (2012) Vashington i novye regional'nye derzhavy Azii [Washington and new regional powers in Asia]. *Rossija v global'nom mire: 2000–2011. Hrestomatija v 6 tomah* (ed. I. Ivanov), vol. 3, pp. 206–228. Moscow: Aspekt Press.
- Bystrov A.A. (2013) Tureckaja jekspansija v Somali [Turkish expansion in Somalia] *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=17845> (accessed 14 July 2013).
- Cheklina T.N. (2010) Osobennosti tamozhennyh sojuzov razvivajushhihsja stran [Peculiarities of customs unions in developing countries] *Rossiiskij vneshnejekonomicheskij vestnik*, no 7, pp. 60–67.
- Chernova A.F. (2013) Irano-Iraskaja vojna 1980–1988 gg.: podhody monarhij persidskogo zaliva [The Iran-Iraq war (1980–1988): approaches monarchies of the Persian Gulf] *Obshhestvo. Sreda. Razvitie ("TERRA HUMANA")*, no 1, pp. 96–100.
- Druzhilovskij S.B. (2007) Iran: jevoljucija "islamskoj modeli razvitija" [Iran: the evolution of the "Islamic model of development"] *Politija*, no 4 (47), pp. 139–146.
- Filatova S.V. (2012) Vneshnie faktory sirijskogo konflikta [External factors Syrian conflict] *Ezhegodnik Sever – Jug – Rossija* (ed. V.G. Horos., D.B. Malysheva). Moscow: IMJeMO RAN.
- Gadzhiev A.G. (2012) Protivorechija v sirijskoj politike Turcii (po materialam tureckoj pressy) [Contradictions in Syrian policy of Turkey (based on the Turkish press)] *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/10-02-12.htm> (accessed 14 July 2013).
- Glazova A.V. (2011) Novaja strategija Turcii na Blizhnem Vostoke [The new strategy of Turkey in the Middle East] *NG Dipkur'er*, no 283. 26 December.
- Hanna P. (2010) *Vtoroj mir* [Second world]. Moscow: Evropa.
- Horos V.G. (2013) Predislovie [Introduction] *Ezhegodnik Sever – Jug – Rossija* (ed. V.G. Horos, D.B. Malysheva). Moscow: IMJeMO RAN.
- Hussein M.H. (2012) Amerikanskaja okkupacija Iraka i ee regional'noe vlijanie [The American occupation of Iraq and its regional influence] *Vestnik SamGU*, no 8/1 (99), pp. 46–49.
- Jakovlev A.I. (2011) Saudovskaja Aravija v nachale XXI veka: gosudarstvo i problemy razvitija [Saudi Arabia at the beginning of the XXI century: the state and problems of development] *Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'*, no 5, pp. 84–97.
- Jakovlev A.M. (2000) O sovremennoj jelite v Saudovskoj Aravii [The modern elite in Saudi Arabia] *Politicheskaja jelita Blizhnego Vostoka (sbornik statej)*.
- Jurtaev V.I. (2012) Osobennosti i realizacija vneshnej politiki Islamskoj Respubliki Iran v 1979–2010 gg. [Features and implementation of foreign policy of the Islamic Republic of Iran in 1979–2010's.]. Avtoreferat dissertacii doktora istoricheskikh nauk. Moscow.
- Komerova I.V. (2009) *Strategija vnutrennej i subregional'noj politiki Saudovskoj Aravii: vtoraja polovina XX veka* [The strategy of internal and subregional policy of Saudi Arabia: the second half of XX century]. Dissertacija kandidata istoricheskikh nauk. Rjazan'.
- Kulagina L.M., Ahmedov V.M. (2013) Iran i arabskie revoljucii na Blizhnem Vostoke [Iran and the Arab revolution in the middle East] *Materialy konferencii IV RAN "Osobennosti politiki IRI v period prezidentstva Ahmadinezhada"*. Available at: <http://www.ivran.ru/ac-en/468> (accessed 18 July 2013).
- Lebedeva Je.E. (2012) Krizis v Mali [The crisis in Mali] *Ezhegodnik Sever – Jug – Rossija* (eds. V.G. Horos., D.B. Malysheva). Moscow: IMJeMO RAN.
- Ljukmanov A.R. (2011) Modernizacija "po-osmanski" [Modernization "in the Ottoman"] *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no 10, pp. 35–49.
- Losev Ju.I., Komerova I.V. (2007) Saudovskaja Aravija vo vzaimootnoshenijah s knjazhestvami zaliva v period s 1968 po 1973 gg. [Saudi Arabia in relations with the principalities Gulf between 1968 and 1973] *Rossiiskij nauchnyj zhurnal*, no 1, pp. 101–107.
- L'vov P. (2013) Chto ostaetsja delat' SShA na Blizhnem Vostoke? [That remains to do for US in the middle East?] *Novoe Vostochnoe Obozrenie*. 12 July. Available at: <http://ru.journal-neo.org/2013/07/12/what-are-the-choices-of-the-us-on-the-middle-east/> (accessed 18 July 2013).

- Malysheva D. (2002) Musul'manskij komponent mirovoj politiki [Muslim component of world politics] *Pro et Contra*, vol. 7, no 4, pp. 104–126.
- Malysheva D.B. (2012) Nesostojavsheesja regional'noe liderstvo Turcii [The lack of regional leadership Turkey] *Ezhegodnik Sever – Jug – Rossija* (eds. V.G. Horos., D.B. Malysheva). Moscow: IMJeMO RAN.
- Manukjan D.A. (2010) *Politika Irana na blizhnem vostoce v uslovijah globalizacii* [Iran's policy in the Middle East in the context of globalization]. Avtoreferat dissertaciji kandidata politicheskikh nauk. St. Petersburg
- Manukov S. (2013) Aravijiskij paradoks [Arabian paradox] *Expert Online*, 17 July. Available at: <http://expert.ru/2013/07/17/aravijiskij-paradoks/?n=66992> (accessed 18 July 2013).
- Melkumjan E.S. (2009) Problema jadernogo nerastrostraneniya na primere regiona Persidskogo zaliva [The problem of nuclear non-proliferation regime on the example of the Persian Gulf region] *Vestnik RGGU*, no 9, pp. 55–72.
- Motovilov Ju.V. (2005) *Osobennosti vyrabotki i osushhestvleniya regional'noj politiki Islamskoj Respubliki Iran v uslovijah globalizacii* [The features of elaboration and implementation of a regional policy of the Islamic Republic of Iran in the context of globalization]. Avtoreferat dissertaciji kandidata politicheskikh nauk. N. Novgorod.
- Nejmatov A.Ja. (2010) Islamskij faktor i ego vliyanie na politiku Saudovskoj Aravii [The Islamic factor and its influence on the policy of Saudi Arabia] // *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Istorija i politicheskie nauki*, no 1, pp. 196–199.
- Orlov V. (2012) Labirint, kotorogo net [Labyrinth, which no] *Rossija v global'noj politike*, no 1, pp. 54–67.
- Pavlova M. (2009) Mirovaja valjutno-finansovaja sistema v uslovijah krizisa i perspektivy sozdaniya novyh rezervnyh valjut [International monetary system in the conditions of crisis and prospects of creation of new reserve currencies] *Perspectives of Innovations, Economics and Business*, no 2, pp. 62–69.
- Protopapas D. (2011) Geopoliticheskie interesy Turcii i vosstanija na Blizhnem Vostoce [Geopolitical interests of Turkey and the uprising in the middle East] *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no 10, pp. 50–60.
- Puryzhinskij D.S. (2013) Politika IRI na central'noaziatskom napravlenii v period prezidentstva Ahmadinezhada [The policy of Iran to Central Asia in the period of the presidency of Ahmadinejad] *Materialy konferencii IV RAN "Osobennosti politiki IRI v period prezidentstva Ahmadinezhada"*. Available at: <http://www.ivran.ru/accen/468>. (accessed 18 July 2013).
- Reutov A. (2009) "Vyzhzhennaja zemlja" daet vse bol'she dyma: Stolknovenija v Jemene grozjat pererasti v regional'nyj konflikt ["Scorched earth" gives you all the more smoke: the conflict in Yemen threatens to escalate into a regional conflict]. *Kommersant*, no 211 (4266). 12 November.
- Rogov S.M. (2012) Rol' Irana v politike SShA na Blizhnem vostoce [The role of Iran in U.S. Middle East policy] *Azija i Afrika segodnja*, no 8 (661), pp. 8–11.
- Stegnij P.V. (2012) BBV: Bol'shaja Blizhnvestochnaja Vesna. Ili Vojna? [BBB: the Great Middle East Spring. Or War?] *Rossija v global'noj politike*, no 1, pp. 68–79.
- Stepanova E. (2011) Arabskie revoljucii: k dialektike prichin i sledstvij [Arab revolution: to dialectics of causes and effects] *Puti k bezopasnosti*, vol. 1–2 (40–41). Moscow: IMJeMO RAN.
- Svistunova I.A. (2012) Vneshnjaja politika Rossii i Turcii v uslovijah "Arabskoj vesny" [Foreign policy of Russia and Turkey in the Arab spring] *Vliyanie sobytij "Arabskoj vesny" na region v kontekste vneshnej politiki Turcii* (eds. V.A. Avatkov, S.B. Druzhilovskij). Moscow.
- The center of analysis of global arms trade (2013) Rejting importirov voruzhenij v regione Blizhnego Vostoka vozglavljajut OAJe, Saudovskaja Aravija i Turcija. Centr analiza mirovoj trgovli oruzhiem [The rating of importers of arms in the Middle East region is headed by the UAE, Saudi Arabia and Turkey]. Available at: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0221/115517211/detail.shtml> (accessed 12 July 2013).
- Turan I. (2011) Turcija na pod#eme: ot nerazvitoj strany k regional'noj derzhave [Turkey is on the rise: from underdeveloped country to a regional power] *Rossija v global'noj politike*, vol. 9, no 5, pp. 124–138.
- Ul'rihsen K.K. (2012) Arabskie reshenija arabskikh problem? [Arab solution of the Arab problem?] *Rossija v global'noj politike*, no 2, vol. 10, pp. 156–165.
- Vartazarova L.S., Stegnij P.V. (eds.) (2012) Turcija: novaja rol' v sovremennom mire [Turkey: a new role in the modern world]. Moscow: CSA RAN.

Vasil'ev A.M. (2012) Iran kak "shiitskaja sverhderzhava": real'nye i mnimye vyzovy [Iran as a "Shiite superpower": real and perceived challenges] *Azija i Afrika segodnja*, no 8 (661), pp. 3–8.

Volkova A.V. (2009) Konsul'tativnyj sovet Saudovskoj Aravii: tradicii, vozmozhnosti institucional'nogo razvitija [Consultative Council of Saudi Arabia: traditions, institutional development opportunities] *Vestnik RGGU*, no 9.

Volovich A.A (2011) Turcija i "arabskie revoljucii" 2011 goda [Turkey and the "Arab revolution" in 2011] *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-05-11a.htm> (accessed 15 July 2013).

Zajchikov V.I. (2004) Korol' Fejsal Ibn Abdel' Aziz: put' k vlasti, saudovskie reformy [King Faisal bin Abdul Aziz: the path to power, the Saudi reform] *Vestnik RUDN. Vol. Mezhdunarodnye otnoshenija*, no 1 (4), pp. 217–224.